

УДК 94(57)+314.4+908
DOI: 10.25206/2542-0488-2021-6-4-9-16

Е. И. КРАСИЛЬНИКОВА¹
О. А. ГРОМОВА²

¹Тобольская комплексная
научная станция УрО РАН,
г. Тобольск

²Новосибирский государственный
технический университет,
г. Новосибирск

МЕМОРИАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО МАЛЫХ ГОРОДОВ НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ДИНАМИКЕ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX—XX вв.)

Статья посвящена обзорной характеристике основных этапов формирования и развития мемориального пространства малых городов Новосибирской области во второй половине XIX—XX вв. Выявляются контексты политики памяти, влиявшей на мемориальные процессы в этих городах. Определяется отличительная специфика развития мемориального пространства малых городов по сравнению с Новосибирском и другими большими городами региона. Исследование опирается на опубликованные и неопубликованные работы краеведов и специалистов по охране памятников. В работе использована делопроизводственная документация музеев, Всероссийского общества по охране памятников истории и культуры и его Новосибирского отделения. Результатом исследования является выявление общей специфики мемориального пространства малых городов Новосибирской области в XIX—XX вв., а также особенностей его развития на семи, выделенных авторами, исторических этапах.

Ключевые слова: мемориальное пространство, памятники, памятные места, политика памяти, коммеморация, малые города, Новосибирская область, культурная антропология.

Введение. Одной из ярких характеристик социально-гуманитарных наук рубежа XX—XXI вв. стал устойчивый интерес исследователей к проблемам мемориальной культуры. В России, как и на Западе, активно изучается история мест памяти. В современной историографии история коммемораций представлена преимущественно мозаично, на отдельных примерах. Современная наука лишь подходит к обобщениям в рамках этой тематики. В рамках нашего исследования предлагается использование категории мемориального пространства применительно к истории целого региона — Новосибирской области.

История мемориального пространства малых городов Новосибирской области ранее комплексно не изучалась. Однако смежная тематика в настоящее время активно исследуется авторским коллек-

тивом под руководством В. Г. Рыженко [1]. Общие контексты политики памяти советского периода охарактеризованы в наиболее значимой работе Н. Е. Копосова [2]. А краеведами и архитекторами довольно хорошо исследована и описана история отдельных памятников и памятных мест в малых городах Новосибирской области [3—6].

Методологическим ориентиром исследования служит активно развивающееся в настоящее время проблемное поле Memory Studies. Мемориальное пространство мы определяем как систему пространственно локализованной коммеморативной деятельности и воплощающих ее артефактов и символических репрезентаций, выполняющих значимую функцию обеспечения внутренней интегрированности как на уровне местных сообществ, так и на уровне государства [7, с. 37]. Авторами

предлагаемой статьи применялись специальные методы сравнительно-исторического, сравнительно-сопоставительного и системно-генетического исследования, а также метод натурного обследования.

Основными источниками данного исследования послужило делопроизводство Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК) и его Новосибирского отделения, материалы местной периодики, планы городов, фотодокументы, изображающие памятники и памятные места, а также существующие на сегодняшний день в культурном пространстве малых городов Новосибирской области мемориальные объекты.

В XIX в. на территории, занимаемой в настоящее время Новосибирской областью, существовало два города — Каинск (с 1935 г. Куйбышев) и Колывань. Каинск был основан в 1722 г., а в 1782 г. он получил статус городского поселения. Колывань, основанная в 1713 г. как Чаусский острог, стала городом в 1822 г. Пик развития этих городов, запиравших транзитное положение между Европой и Азией пришелся на вторую половину XIX в. Но со строительством Транссиба, что прошел в 13 км южнее Каинска, заметно упало экономическое значение этого города. То же произошло и с Колыванью, оказавшейся в стороне от железной дороги. Интенсивное же развитие получили населенные пункты при железной дороге. В 1911 г., по представлению МВД Российской империи, поселок при станции Татарская, имевший «по своему торгово-промышленному развитию характер гораздо больше городской, нежели сельский», получил статус безуездного города [8], а станция Барабинск стала городом в 1917 г. Этот процесс продолжился и после революции: поселок Черепаново стал городом в 1925 г., а Искитим — в 1935 г. Одновременно, в 1925 г., статус города утратила Колывань, перейдя в разряд сельских поселений. В 1940-х гг. на фоне масштабной военной эвакуации из европейской части СССР, давшей новый импульс урбанизации, статус городов получили: Болотное (1943 г.), Купино (1944 г.), Бердск (1944 г.), Тогучин (1945 г.) и Чулым (1947 г.) Во второй половине XX в. к малым городам Новосибирской области добавились Карасук (1954 г.), Каргат (1965 г.), выросшие из сельских поселений, а также Обь (1969 г.).

Цель исследования. Цель исследования состоит в том, чтобы проследить динамику мемориального пространства малых городов Новосибирской области во второй половине XIX—XX вв. В задачи исследования входит выявление контекстов политики памяти, влиявшей на мемориальное пространство этих городов, а также выделение и характеристика основных этапов исторического развития мемориального пространства малых городов, находящихся в пределах современной Новосибирской области.

Основная часть. Первый этап формирования мемориального пространства малых городов, находившихся до нач. XXI в. на территории Новосибирской области (с 1722 до 1917 гг.), можно условно назвать дореволюционным. На мемориальном пространстве интересующих нас городов сказались, прежде всего, общие контексты истории Сибири, а также локальной истории. Воздействие же общегосударственной политики памяти сегодня слабее просматриваются сквозь толщу сохранившихся источников. Мемориальное пространство этих городов формировалось в русле развития традиционной русской культуры жителей Сибири, оказавшей влияние на особенности организации городской среды,

на застройку и городскую топонимику. В этих городах до революции не было ни памятников, ни монументов европейского типа. Историческая память местных жителей воплощалась в более традиционных для «старой» России памятных местах: в городских топонимах, прежде всего, в названиях улиц, а также в некрополях.

Появление Каинска и Колывани было инициировано государственной политикой освоения Сибири. Соответственно, до революции центральной улицей и в Каинске, как и в Колывани, была Московская, получившая название от Московско-Сибирского тракта. В этом топониме выражалось символическое значение наличия данных территорий в составе Российской империи. Улица Александровская, имевшаяся также в обоих городах, называлась в честь императора Александра II, что отражало проявление общеимперской политики памяти. То же можно сказать и об улицах в Каинске, названных в честь Н. В. Гоголя, Н. А. Некрасова, Д. И. Менделеева и А. С. Пушкина, чье наследие до революции считалось общероссийским культурным достоянием.

Контексты общесибирской истории отражались в названиях таких улиц Каинска, как улицы Ядринцева и Потанина, увековечивших память, пожалуй, о самых известных сибирских областниках. С памятью о герое локальной истории, контексты которой ярче всего проявлялись в мемориальном пространстве этих городов до революции, связывалась улица, носившая название в честь томского губернатора Н. Л. Гондатти. Еще одной из распространенных практик было наименование улиц в честь местных почетных граждан. В частности, в Колывани одна из улиц называлась в честь богатого купца, дважды избиравшегося городским головой — Е. А. Жернакова. На Жернаковской были построены его деревянные и каменные дома, магазины, разбит Жернаковский сад. В Каинске одна из улиц называлась в честь В. П. Ерофеева, купца 1-й гильдии, одного из учредителей Каинской общественной библиотеки.

Купечество вообще оказало большое влияние на формирование мемориального пространства Каинска, Колывани и со второго десятилетия XX в. — Татарска, как и в целом на их развитие. На центральных улицах города строились купеческие особняки. Каинск украсили дома купцов I гильдии Р. С. Волкова, И. В. Шкряева, В. П. Ерофеева, а также «номера» семьи Лившиц. На средства местных купцов возводились храмы. Усилиями К. К. Кривцова в Каинске был выстроен деревянный дом, в котором размещалось открытое в феврале 1872 г. приходское училище для девочек. Купец II гильдии, почетный гражданин Колывани Г. И. Пастухов в 1880 г. построил здание городского двухклассного училища для мальчиков, попечителем которого он состоял, а в 1890 г. — церковь Покрова Пресвятой Богородицы и дома для священников этой церкви. Все эти здания в дальнейшем ассоциировались с памятью об их строителях. Однако, используя терминологию А. Ассман [9], можно сказать, что до революции эта память имела характер социальной, то есть неформальной, не запечатленной в письменных текстах. Официально эти постройки еще не признавались памятникам, не подлежали музеефикации и не охранялись государством.

Куда более устойчивую культурную память о вершине каинского общества концентрировало, главным образом, городское кладбище, которое сегодня

часто называют «купеческим». В советское время оно пришло в запустение, но до сих пор на нем чудом сохранились чугунные надгробия 1863 г., а также обломки некогда роскошных каменных памятников конца XIX — начала XX вв., установленных на погосте близ теперь утраченной церкви Святого Духа. Они принадлежали купцам Волковым, Шкроевым, Ерофеевым и Кукушкиным. До наших дней дошли и некоторые чугунные крестьянские надгробия, находящиеся ближе к периферийной части некрополя [10]. По данным, которые собрал в начале XX в. протоиерей Николай Вавилов для некрополя Великого князя Николая Михайловича, в ограде Спасского («градо-каинского») собора покоились некогда наиболее уважаемые в городе лица: священно-протоиерей Н. В. Митропольский и его супруга, чиновники Н. С. Грязнов, И. П. Ерофеев, С. Ф. Пискунов и его жена А. Д. Пискунова, купцы П. Е. Попов, И. В. Мясников, Н. Г. Сибирцев, И. В. Шкроев, а также П. С., В. П. и А. П. Ерофеевы [11].

Второй, военно-революционный этап (1917–1922 гг.), сопровождался увековечением памяти о павших героях (с каждой из противоборствовавших сторон) практически во всех населенных местах нашего региона. После победы большевиков под воздействием государственной политики памяти начал формироваться новый, советский слой мемориального пространства малых городов. Во-первых, официально признавались памятными местами и, соответственно, маркировались могилы героев, прежде всего братские. Во-вторых, устанавливались соответствующие памятники и монументы, которые воспринимались как новые символические центры мемориального пространства. В-третьих, памятниками истории стали признавать отдельные объекты городской среды (здания и другие места), связанные с военно-революционными событиями. В-четвертых, переименовывались улицы. Показателен пример Каинска: в 1920 г. братская могила жертв колчаковской расправы на «купеческом» кладбище была отмечена соответствующим памятником. В центре города так же была обозначена аналогичная могила, на которой установили памятник. Эти памятники, воспринимавшиеся как новые сакральные места, составляли альтернативу православным храмам и погостам при церквях и соборах.

Показателен и следующий пример: в 1919 г. близ Спасского собора был погребен красный командир Михаил Добровицкий. Его могила теснила некогда почетные погребения купцов, чиновников и духовенства. Александровскую улицу в Каинске переименовали в улицу Здвинского (в честь революционера М. С. Здвинского), а Садовую — в улицу Ленина, Кладбищенскую — в Либкнехта, и т.д.

На третьем этапе, с 1922 г. и до начала 1930-х гг., в каждом из городков расширялась и утверждалась в сознании местных жителей новая, советская ментальная карта городских мемориальных пространств. Этот период в целом характеризуется интересом к региональной истории, подкрепленным созданием в 1925 г. в Новосибирске «Общества по изучению производственных сил Сибири», которое возглавило научно-исследовательскую и краеведческую работу в нашем регионе. В 1928 г. в Каинске реставрировались военно-революционные памятники. А могилу Михаила Добровицкого с целью повышения ее значимости перенесли с погоста при Спасском храме в сквер на центральной площади города.

Официальная пропаганда очерняла имперский период истории Сибири. Память о «капиталистах» и «буржуях» намеренно ослаблялась. Однако реально добрая память о дореволюционном прошлом была еще свежа в социальной памяти жителей малых городов, что неизбежно сказывалось на восприятии городского мемориального пространства. Его многомерность видна на примере «бывшего города» Кольвани. Отчасти это позволяет обнаружить очерк колыванского врача А. К. Югова, опубликованный в 1927 г. в журнале «Сибирские огни». Очерк проникнут ностальгическим восприятием колыванской старины, любованием этой стариной. На авторское отношение к прошлому Кольвани очевидно повлияли дореволюционные сибирские традиции краеведения, среди зачинателей которого были областники. По ощущению автора, в «черной» деревянной Кольвани присутствовал дух прошлого, сама она напоминала «изображение древних русских городов в книге Олеария». Югов отмечал, что жители Кольвани хорошо помнили «купеческую» историю города, когда Кольвань процветала; с легкостью и удовольствием показывали «пастьуховские» и «жернаковские» места: дома, больницу, сад, церковь, бывшее «озеро с лебедями» и сожалели о том, что ныне «Кольвань захирела» [12].

Довольно цельным видится нам большой четвертый этап истории мемориального пространства малых городов Новосибирской области с начала 1930-х и до середины 1960-х гг. Ему были присущи общие тенденции падения интереса со стороны государства к локальной истории и, как следствие, снижение значения соответствующих памятных мест, а также унификации всего мемориального пространства СССР за счет повсеместного появления однотипных памятников, связанных с общим советским прошлым, прежде всего, военно-революционным. Это время ассоциируется с формированием квазирелигиозных культов советских героев, дополнявших культ личности И. В. Сталина, что также отразилось на мемориальном пространстве малых городов.

В годы Первой русской революции в Каинске отбывал ссылку В. В. Куйбышев — известный в дальнейшем партийный и политический деятель, член политбюро ЦК ВКП(б) с 1927 г. Именно его фигура памяти стала доминировать на данном этапе в мемориальном пространстве Каинска. После скоропостижной смерти В. В. Куйбышева в 1935 г. решением ЦК ВКП(б) город Каинск переименовали в Куйбышев. В этом акте переименования проявилась общая тенденция обесценивания памяти о дореволюционном этапе местной истории. В 1947 г. на основании решения Новосибирского облисполкома и решения исполкома Куйбышевского горсовета в городе Куйбышеве, на улице Ленина, был открыт музей в доме, где отбывал ссылку в 1907–1909 гг. В. В. Куйбышев. Сам дом был поставлен под охрану государства [13].

Этот музей сразу стал центром политического просвещения и идеологического воспитания. Экспозиция строилась преимущественно из картин местного художника Ситникова, иллюстрирующих биографию В. В. Куйбышева и военно-революционную историю региона, а также из соответствующих фотографий. Мемориальные предметы практически отсутствовали. Экспозиция, в частности, раскрывала темы каинской и нарымской ссылки Куйбышева, а также его деятельности в сфере строительства социалистической индустрии [14]. В музее устраи-

вались вечера памяти советского героя, лекции, доклады и беседы о его биографии для детей и взрослых. Однако в большей степени музей занимался пропагандой плана пятилетки, сталинской конституции и социально-экономических достижений Советской власти [15]. В ограде музея установили памятник Куйбышеву, выполненный, предположительно, скульптором А. В. Грубье. 6 ноября 1943 г. памятник был перенесен в центр города на место уничтоженного Спасского собора. Вокруг памятника началось формирование сквера. Этот акт закрепил символическое доминирование фигуры памяти Куйбышева в мемориальном пространстве городка.

На данном этапе о местных революционных памятниках городские власти вспоминали лишь в связи с формальными задачами проведения идеологических кампаний, приуроченных к юбилеям военно-революционных событий. Так, в 1949 г., в связи с 30-летием «освобождения от колчаковщины», составлялись паспорта исторических памятников малых городов Новосибирской области [16]. Однако реставрации уделялось мало внимания. К 40-летию Октябрьской революции планировалось привести в порядок соответствующие монументы и памятные места. 13 ноября 1956 г. об этом было принято решение Новосибирского облисполкома. Однако многие исполкомы районных Советов депутатов трудящихся с этим не спешили. Памятники оставались в плохом состоянии: деревянныеobelisks пришли в ветхость, ограды развалились, не было мемориальных досок [17]. Лишь в юбилейный год, после проверки, в малых городах началась реставрация военно-революционных памятников. В Куйбышеве военно-революционные памятники и мемориальные объекты, связанные с памятью о В. В. Куйбышеве, составляли на этом этапе единый «слой» мемориального пространства с центром в куйбышевском музее, что демонстрируют сохранившиеся маршруты экскурсий [18].

На данном этапе в мемориальном пространстве интересующих нас городов могли появляться новые памятные знаки, отражавшие связь больших политических событий текущего времени с судьбами местных жителей. Таков памятник пограничнику И. В. Коратееву, погибшему в 1936 г. при конфликте с японо-маньчжурами. В честь Коратеева был назван парк, где и разместили памятник. Такие памятники были немногочисленными, но за счет связи с «большой историей» они символически поднимали статус мелких провинциальных городков.

С середины 1960-х и до середины 1980-х гг. можно говорить о пятом этапе в истории мемориального пространства малых городов Новосибирской области. Восьмая пятилетка нацеливалась на «бурный расцвет социалистической культуры». Со стороны государства повышалось внимание к историко-культурному наследию. В реализации государственной политики памяти активно участвовало созданное в 1966 г. Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры. Оно ставило перед собой задачу «поднять охрану и использование культурного наследия народов СССР на уровень всенародного дела», поскольку памятники представлялись «важным средством воспитания патриотизма, любви к Родине, ко всему, что создано благодаря труду, борьбе, жертвам и героизму поколений» [19]. На данном этапе истории государственной политики памяти обобщенно героизировался весь советский народ, прежде всего, революционное и военное поколения. Уже на начальном этапе су-

ществования ВООПИиК общество ориентировалось на повышение внимания к памятникам, находившимся за пределами больших городов. В обращении Учредительного съезда ВООПИиК ко всей общественности Советской России говорилось: «Мы не можем проходить равнодушно мимо неухоженных памятников и братских могил, где покоится прах героев Великой Отечественной войны» [19], что означало начало большой работы по развитию инфраструктуры государственной политики памяти.

На практике в этот период дополнялись и усложнялись системы памятных мест, связанных с военно-революционной историей. Повсеместно ставились под охрану вновь выявлявшиеся памятники и памятные места [20]. Согласно отчетам ВООПИиК, возводились новые монументы, как, к примеру, памятник героям Гражданской войны в Искитиме (1977–1981 гг.), реставрировались уже существующие, как памятник в Барабинске [21]. Актуализировалась и память о декабристах. В Куйбышеве система революционных памятных мест дополнилась одноэтажным каменным домом (ул. Куйбышева, 42), где останавливались ссыльные декабристы [22]. Это можно объяснить как попытку ретроспективного продления революционной истории города и повышения, таким образом, его символической значимости в масштабах страны.

На этом же этапе, с 1967 г., началась активная мемориализация Победы в Великой Отечественной войне. Победа воспринималась и транслировалась как «жизнеспособность и несокрушимость первого в мире социалистического государства», как «торжество рожденного Октябрем нового общественно-государственного строя» [23]. В малых городах повсеместно устанавливали памятники и мемориальные доски воинам-заводчанам, воинам-портовикам, воинам-железнодорожникам, воинам-студентам, преподавателям, учителям и ученикам школ, погибшим на фронте. В соответствующую коммеморативную деятельность вовлекалась широкая общественность. К примеру, в Купино 7 ноября 1978 г. на привокзальной площади по инициативе организации школы № 5 был открыт монумент «Героям фронта и тыла». Шефство над монументом взяли учащиеся этой школы [24]. В год 30-летия Победы в Новосибирской области широко развернулась пропагандистская деятельность, целью которой было «патриотическое воспитание трудящихся на боевых и трудовых традициях Великой Отечественной войны». В школах, техникумах, ПТУ проводились тематические вечера, уроки мужества, беседы, лекции, экскурсии по памятным местам, выступления в печати, по радио и телевидению. Также при школах стали создаваться музеи боевой и трудовой славы. Фамилии местных героев Великой Отечественной войны увековечивались в топонимике малых городов.

В 1967 г. в Новосибирске открылся монумент Славы — мемориальный памятник-ансамбль Славы, увековечивающий подвиг воинов-сибиряков в годы Великой Отечественной войны [25]. Уже в первой половине 1980-х гг., вслед за новосибирским монументом Славы, в малых городах Новосибирской области стали открываться свои мемориальные комплексы, выражавшие идею увековечения памяти обо всех павших воинах — защитниках Отечества, воспринимавшихся официально как продолжатели дела героев Октября. Таковы, к примеру, мемориалы в Чулыме (открыт в 1980 г.), в Татарске (1981 г.),

в Болотном (1985 г.) и Куйбышеве (1985 г.). Во многих городах эти основные мемориалы, располагавшиеся преимущественно на центральных площадях, дополнялись памятниками меньшего размера и значения. Таков, к примеру, памятник фронтовикам, умершим от ран в болотнинском эвакогоспитале (1985 г.). Ряд памятников увековечивал имена отдельных героев войны.

1970-е гг. ознаменовались началом сложного и длительного процесса признания памятниками сохранившихся в малых городах дореволюционных деревянных и каменных зданий, что связывалось с ростом регионального самосознания и поиском символических форм его выражения, а также с творческим поиском интеллигенции, обусловленным «оттепелью». Решением исполкома областного Совета депутатов трудящихся от 25 июня 1971 г. некоторые из вновь признанных памятников деревянного зодчества были поставлены под охрану государства, что, однако, вовсе не гарантировало их реальной сохранности [26].

На шестом «перестроечном» этапе этот процесс продолжался. На рубеже 1980-х и 1990-х гг. в малых городах Новосибирской области работала группа архитекторов по договору с Научно-производственным центром по сохранению памятников. В нее входили С. Н. Баландин, Н. П. Журин, Н. Н. Филиппова и Е. А. Смирнова. Они собирали сведения о дореволюционной архитектуре: выявляли наиболее интересные, по их мнению, старинные здания, замеряли их, описывали и фотографировали. Это стало важным шагом к официальному признанию сохранившихся образцов дореволюционного зодчества памятниками [27].

На рубеже 1980-х и в 1990-х гг. менялось отношение государства и общества к памяти о Гражданской войне и соответствующим памятникам. Идеологизация этой памяти постепенно слабела. Мемориальные инициативы этого времени сводились преимущественно к реставрации уже существовавших памятников, новые памятники не устанавливались.

Центральное место в дискурсах памяти заняла тема Великой Отечественной войны. В условиях ослабления идеологических основ советской политической системы память о Великой Победе использовалась как одна из идейных основ национального строительства. Поэтому в «перестроечные» годы продолжилось возведение монументов в память о Победе, отвечавших образцам предшествующих лет. Таков, к примеру, памятник Воину-Освободителю, установленный на территории спиртзавода в Куйбышеве в 1989 г.

Седьмой этап истории мемориального пространства Новосибирской области пришелся на трудные для страны 1990-е гг., связанные со структурным кризисом, развившимся после распада СССР. На фоне десоветизации снизился интерес местных сообществ к революционным памятникам, которые перестали использоваться в официальных коммеморативных практиках. Продолжалась лишь официальная мемориализация павших воинов Великой Отечественной войны. По инициативе местных жителей в Барабинске и Каргате были возведены соответствующие памятники. Но былой размах мемориальных инициатив, связанных с памятью о войне, остался в прошлом.

В 1994 г. в Куйбышеве и Искитиме появились памятники жертвам сталинских репрессий, устанавливавшиеся на средства районных администраций,

предприятий и отдельных благотворителей. В политическом отношении поклонный крест в Искитиме и мемориал в Куйбышеве можно расценивать как выражение лояльности центральной государственной власти и доминирующей в стране в тот период идеологической доктринальности. Одновременно, эти памятники отражали общественный запрос на официальное признание значимой памяти о многочисленных сибиряках, погибших в годы политического террора, но десятилетиями подвергавшихся намеренному забвению. Официально признание невинных жертв и символическое закрепление памяти о них в мемориальном пространстве малых городов выделяло эти города из общей массы и усиливало их историчность в глазах общественности. Еще одна тенденция 1990-х — увековечение памяти о войнах, погибших в Чечне. Изыскивать средства на мемориальные инициативы в это время было трудно. Но военнотружущие — участники боевых действий добивались воплощения в жизнь отдельных мемориальных инициатив. Так появился памятник в Бердске на территории воинской части 64655.

Заключение. Исследование показало, что в формировании мемориального пространства малых городов Новосибирской области наблюдаются тенденции и процессы, в целом, характерные для Сибири в этот период. К особенностям мемориального пространства данных городов следует отнести мемориализацию локальной истории, прежде всего, на первом, дореволюционном, этапе. Имперская мемориализация в этих городах была представлена заметно меньше, чем в Новониколаевске, основанном на императорской железной дороге. Многие из памятных мест оставались таковыми в рамках неинституционализированной и неопредмеченной социальной памяти, что привело к их преимущественному забвению при смене политического строя. В советское время во всех малых городах формировалось однотипное мемориальное пространство с доминированием общих тенденций государственной политики памяти. Наиболее активны эти процессы протекали в 1920-х гг. и на этапе с середины 1960-х до середины 1980-х гг., когда на уровне государственной идеологии прославлялись целые поколения «славного прошлого», прекращалось жесткое противопоставление внутренних врагов и героев, присущее 1930—1950 гг., а «революционные традиции» партии и народа власти пытались использовать как основу идеологического воспитания [28].

Формированию и использованию мемориального пространства в малых городах Новосибирской области были присущи ориентация на соответствующий опыт Новосибирска, определенный лаг отставания в осуществлении, инертность и отсутствие оригинальных местных инициатив. В немалой степени это положение сохраняется и в настоящее время, что находит свое выражение в доминировании советских памятников и памятных мест в организации мемориального пространства этих городов.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Новосибирской области, проект № 19-49-540003 «Мемориальное пространство городов Новосибирской области в исторической динамике».

Библиографический список

1. Рыженко В. Г. Образы и символы советского города в современных исследовательских опытах: региональный аспект: моногр. Омск: Изд-во ОмГУ им. Ф. М. Достоевского, 2010. 340 с. ISBN 978-5-7779-1134-6.
2. Копосов Н. Е. Память строгого режима. История и политика в России. Москва: Новое литературное обозрение, 2011. 315 с. ISBN 978-5-86793-851-2.
3. Андрианова И. Ю. [и др.]. Памятники истории, архитектуры и монументального искусства Новосибирской области. В 2 кн. Кн. 2. Районы и города Новосибирской области (памятники, состоящие на государственной охране). 2-е изд., перераб. Новосибирск: ДЕАЛ, 2012. 332 с. ISBN 978-5-900011-22-6.
4. Болотнинская быль. Болотнинский район Новосибирской области: история и современность. Новосибирск: Историческое наследие Сибири, 2014. 640 с. ISBN 5-8402-0317-3.
5. Каталог «Памятники новосибирцам — защитникам Отечества». Справочное издание / Виноградов С. Б., Воеводина Т. В., Данилевский В. Д. [и др.]. Новосибирск, 2010. 480 с. ISBN 978-5-904795-15-3.
6. Папков С. А. Черепановский район. Очерки истории. Новосибирск: Издательство Сибирского отделения РАН, 1999. 193 с. ISBN 5-7692-0116-9.
7. Вальдман И. А., Громова О. А. Концептуальные основания методологии исследования мемориального пространства в исторической динамике // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2019. Т. 8, № 5А. С. 36–45. DOI: 10.34670/AR.2019.45.5.034.
8. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1276. Оп. 17. Д. 148. Л. 167.
9. Ассман А. Забвение истории — одержимость историей. Москва: Новое литературное обозрение, 2019. 552 с. ISBN 978-5-4448-1151-1.
10. Смирнова Н. Старинное купеческое кладбище спасают в Куйбышеве // Все новости Новосибирской области. URL: <https://vn.ru/news-starinnoe-kupecheskoe-kladbishche-spasayut-v-kuibysheve/> (дата обращения: 21.03.2021).
11. РГИА. Ф. 549. Оп. 2. Д. 24. Л. 42–43 об.
12. Югов А. Кольвань // Сибирские огни. 1927. № 5. С. 180–184.
13. Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. Р-1813. Оп. 1. Д. 37. Л. 7 об.
14. ГАО. Ф. Р-1813. Оп. 1. Д. 38. Л. 1.
15. ГАО. Ф. Р-1813. Оп. 1. Д. 33. Л. 10, 10 об.
16. ГАО. Ф. Р-1375. Оп. 1. Д. 28.
17. ГАО. Ф. Р-1375. Оп. 1. Д. 164. Л. 1.
18. ГАО. Ф. Р-1375. Оп. 1. Д. 179. Л. 3–4.
19. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-639. Оп. 1. Д. 8. Л. 2–6, 23.
20. ГАО. Ф. Р-2054. Оп. 1. Д. 244. Л. 7.
21. ГАРФ. Ф. А-639. Оп. 1. Д. 663. Л. 82–83.
22. ГАО. Ф. Р-2054. Оп. 1. Д. 374. Л. 24.
23. ГАО. Ф. Р-2054. Оп. 1. Д. 137. Л. 11.
24. ГАО. Ф. Р-2054. Оп. 1. Д. 202. Л. 5.
25. ГАО. Ф. Р-2054. Оп. 1. Д. 244.
26. ГАО. Ф. Р-2054. Оп. 1. Д. 159. Л. 16.
27. Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств имени А. Д. Крячкова (НГУАДИ). Музей истории архитектуры Сибири им. С. Н. Баландина. Материалы экспедиции по выявлению памятников архитектуры в Новосибирской области, 1988–1992. Т. 2. Жилая архитектура. Л. КБ 49.
28. ГАРФ. Ф. А-639. Оп. 1. Д. 66. Л. 3.

КРАСИЛЬНИКОВА Екатерина Ивановна, доктор исторических наук, доцент (Россия), ведущий научный сотрудник Тобольской комплексной научной станции УрО РАН, г. Тобольск.

SPIN-код: 6268-8326

AuthorID (РИНЦ): 527069

ORCID: 0000-0003-0014-0655

Адрес для переписки: katrina97@yandex.ru

ГРОМОВА Ольга Алексеевна, аспирант, ассистент кафедры истории и политологии Новосибирского государственного технического университета, г. Новосибирск.

SPIN-код: 6803-0369

AuthorID (РИНЦ): 1098452

Адрес для переписки: olga-gromova-91@mail.ru

Для цитирования

Красильникова Е. И., Громова О. А. Мемориальное пространство малых городов Новосибирской области в исторической динамике (вторая половина XIX–XX вв.) // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2021. Т. 6, № 4. С. 9–16. DOI: 10.25206/2542-0488-2021-6-4-9-16.

Статья поступила в редакцию 28.06.2021 г.

© Е. И. Красильникова, О. А. Громова

¹Tobolsk Complex Scientific Station,
Ural Branch of the Russian Academy
of Sciences, Tobolsk, Russia

²Novosibirsk State
Technical University,
Novosibirsk, Russia

MEMORIAL SPACE OF SMALL TOWNS IN NOVOSIBIRSK REGION IN HISTORICAL DYNAMICS (SECOND HALF OF XIX–XX CENTURIES)

The article is devoted to the overview of the main stages of formation and development of the memorial space of small towns in the Novosibirsk region in the second half of XIX–XX centuries. The contexts of the memory politics that influenced the memorial processes in these towns are revealed. The distinctive specificity of developing memorial space of small towns in comparison with Novosibirsk and other big cities of the region is defined. The research is based on published and unpublished works by local historians and specialists in the protection of monuments. The documentation from museums, the All-Russian Society for the Protection of Monuments of History and Culture and its Novosibirsk branch is used in this article. The result of the research reveals the general specificity of the memorial space of small towns in the Novosibirsk region in the XIX–XX centuries, as well as the peculiarities of its development in the seven historical stages identified by the authors.

Keywords: memorial space, monuments, memorial sites, politics of memory, commemoration, small towns, Novosibirsk region, cultural anthropology.

Acknowledgments

The research is done with the support of the grant of the Russian Foundation for Basic Research and Novosibirsk region. Project No. 19-49-540003 «The memorial space of Novosibirsk region towns in historical dynamics».

References

1. Ryzhenko V. G. *Obrazy i simvoly sovetskogo goroda v sovremennykh issledovatel'skikh opytakh: regional'nyy aspekt* [Images and symbols of the Soviet city in modern research experiments: regional aspect]. Omsk, 2010. 340 p. ISBN 978-5-7779-1134-6. (In Russ.).
2. Kuposov N. E. *Pamyat' strogogo rezhima. Istoriya i politika v Rossii* [Memory of the strict regime. History and politics in Russia]. Moscow, 2011. 315 p. ISBN 978-5-86793-851-2. (In Russ.).
3. Andrianova I. Yu. [et al.]. *Pamyatniki istorii, arkhitektury i monumental'nogo iskusstva Novosibirskoy oblasti. V 2 kn. Kn. 2. Rayony i goroda Novosibirskoy oblasti (pamyatniki, sostoyashchiye na gosudarstvennoy okhrane)* [Monuments of history, architecture and monumental art of the Novosibirsk region. In 2 bks. Bk. 2. Districts and cities of the Novosibirsk region (monuments that are under state protection)]. 2nd ed. Novosibirsk, 2012. 332 p. ISBN 978-5-900011-22-6. (In Russ.).
4. Bolotninskaya byl'. *Bolotninskiy rayon Novosibirskoy oblasti: istoriya i sovremennost'* [Bolotninskaya true story. Bolotinsky district of the Novosibirsk region: history and modernity]. Novosibirsk, 2014. 640 p. ISBN 5-8402-0317-3. (In Russ.).
5. Katalog «Pamyatniki novosibirskam — zashchitnikam Otechestva». *Spravochnoye izdaniye* [Catalog «Monuments to Novosibirsk — defenders of the Fatherland». Reference edition] / Vinogradov S. B., Voyevodina T. V., Danilevskiy V. D. [et al.]. Novosibirsk, 2010. 480 p. ISBN 978-5-904795-15-3. (In Russ.).
6. Papkov S. A. *Cherepanovskiy rayon. Ocherki istorii* [Cherepanovsky region. Essays on history]. Novosibirsk, 1999. 193 p. ISBN 5-7692-0116-9. (In Russ.).
7. Val'dman I. A., Gromova O. A. *Kontseptual'nyye osnovaniya metodologii issledovaniya memorial'nogo prostranstva v istoricheskoy dinamike* [Conceptual foundations of the methodology for studying memorial space in historical dynamics] // *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke. Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being*. 2019. Vol. 8, no. 5A. P. 36–45. DOI: 10.34670/AR.2019.45.5.034. (In Russ.).
8. *Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv (RGIA)* [Russian State Historical Archives (RSHA)]. File: 1276/17/148/167. (In Russ.).
9. Assman A. *Zabveniyey istorii — oderzhimost' istoriyey* [Oblivion of history — obsession with history]. Moscow, 2019. 552 p. ISBN 978-5-4448-1151-1. (In Russ.).
10. Smirnova N. *Starinnoye kupecheskoye kladbishche spasayut v Kuybysheve* [An old merchant cemetery is being rescued in Kuibyshev] // *Vse novosti Novosibirskoy oblasti* [All news of Novosibirsk region]. URL: <https://vn.ru/news-starinnoe-kupecheskoe-kladbishche-spasayut-v-kuybysheve/> (accessed: 21.03.2021). (In Russ.).
11. RGIA [RSHA]. File: 549/2/24/42 – 43 turn. (In Russ.).
12. Yugov A. *Kolyvan'* [Kolyvan'] // *Sibirskiyey ogni. Sibirskiyey Ognj*. 1927. No. 5. P. 180–184. (In Russ.).

13. Gosudarstvennyy arkhiv Novosibirskoy oblasti (GANO) [State Archives of Novosibirsk Region (SANR)]. File: P-1813/1/37/7 turn. (In Russ.).
14. GANO [SANR]. File: P-1813/1/38/1. (In Russ.).
15. GANO [SANR]. File: P-1813/1/33/10, 10 turn. (In Russ.).
16. GANO [SANR]. File: P-1375/1/28. (In Russ.).
17. GANO [SANR]. File: P-1375/1/164/1. (In Russ.).
18. GANO [SANR]. File: P-1375/1/179/3–4. (In Russ.).
19. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (GARF) [State Archives of Russian Federation (SARF)]. File: A-639/1/8/2–6, 23. (In Russ.).
20. GANO [SANR]. File: R-2054/1/244/7. (In Russ.).
21. GARF [SARF]. File: A-639/1/663/82–83. (In Russ.).
22. GANO [SANR]. File: P-2054/1/374/24. (In Russ.).
23. GANO [SANR]. File: P-2054/1/137/11. (In Russ.).
24. GANO [SANR]. File: P-2054/1/202/5. (In Russ.).
25. GANO [SANR]. File: P-2054/1/244. (In Russ.).
26. GANO [SANR]. File: P-2054/1/159/16. (In Russ.).
27. Novosibirskiy gosudarstvennyy universitet arkhitektury, dizayna i iskusstv imeni A. D. Kryachkova (NGUADI). Muzei istorii arkhitektury Sibiri im. S. N. Balandina. Materialy ekspeditsii po vyavleniyu pamyatnikov arkhitektury v Novosibirskoy oblasti, 1988–1992. T. 2. Zhilaya arkhitektura [Kryachkov Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts (NSUADA). Museum of the History of Architecture of Siberia named after S. N. Balandina. Materials of the expedition to identify architectural monuments in the Novosibirsk region, 1988–1992. Vol. 2. Residential architecture]. L. KB 49. (In Russ.).
28. GARF [SARF]. File: A-639/1/66/3. (In Russ.).

KRASILNIKOVA Ekaterina Ivanovna, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Leading Researcher, Tobolsk Complex Scientific Station of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Tobolsk, Russia.

SPIN-code: 6268-8326

AuthorID (RSCI): 527069

ORCID: 0000-0003-0014-0655

Correspondence address: katrina97@yandex.ru

GROMOVA Olga Alekseevna, Graduate Student, Assistant of History and Political Science Department, Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia.

SPIN-code: 6803-0369

AuthorID (RSCI): 1098452

Correspondence address: olga-gromova-91@mail.ru

For citations

Krasilnikova E. I., Gromova O. A. Memorial space of small towns in Novosibirsk region in historical dynamics (second half of XIX–XX centuries)// Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity. 2021. Vol. 6, no. 4. P. 9–16. DOI: 10.25206/2542-0488-2021-6-4-9-16.

Received June 28, 2021.

© E. I. Krasilnikova, O. A. Gromova